

Предложение Ференца было болезненно трезвым, но рациональным. Если всё сложится удачно, такой переход был вполне возможен. Это не было невыполнимым сценарием.

И всё же Дэниел слабо улыбнулся.

— Да. Я это тоже понимаю.

— По твоему лицу не скажешь.

— Я понимаю... но у меня всё равно возникает мысль. Если я просто так перейду в другую команду, чем я тогда отличаюсь от идиота, который покорно отходит в сторону, когда ему пинают стул и говорят убираться?

— ...Дэниел.

— Я всё равно не смогу попасть в топ-команду, так что буду просто кочевать из одной слабой команды в другую, и если снова не покажу результат — спонсор опять скажет убираться. И что дальше? Я стану пилотом, который будет покорно бегать и умолять о месте? А потом меня всё равно заставят уйти на пенсию?

— ...

Езди быстрее всех на трассе. И всё решится само собой.

Это была жизнь, в которую он вложил абсолютно всё, следуя этому единственному правилу. Но эта игра ни разу не была справедливой по отношению к Дэниелу и часто обесценивала его усилия.

Иногда Дэниел думал: почему он не может бросить автоспорт, даже проходя через всё это?

Обещание, которое он должен был сдерживать, давно превратилось в тяжёлую ношу, и он уже слишком устал, чтобы держаться за руль просто ради удовольствия. И всё же эта жизнь, в которой он отчаянно цеплялся за трассу, потому что у него больше ничего не было, была по-настоящему жалкой.

На самом деле, не стоит ли ему закончить карьеру пилота прямо здесь? Тогда какой смысл во всех этих усилиях?

Стоило плохим мыслям однажды последовать за ним, как тени, — и избавиться от них уже не получалось. Это было мучительно.

— Я хочу стать чемпионом мира.

— ...

— Но если я отступлю хотя бы на шаг, нет — даже на полшага от того, что сказал Алек Уокер, мне кажется, у меня больше никогда не будет шанса. Мне кажется, меня просто выбросят в конце, унижительно вытолкнут. Как пилот, который отвечает: «О, да, я не справлюсь, я поищу другую команду», — вообще может стать чемпионом?

— ...Дэниел.

— Я знаю. Это моё упрямство. Но я должен стать чемпионом мира. Я обязан.

Когда-нибудь он станет чемпионом мира.

Он знал, что это звучит смешно, но Дэниел ни разу не отказался от своей мечты.

С момента своего дебюта в команде Fernandit Silverbullet, после множества поворотов судьбы и до сих пор, его каждый год спрашивали о цели сезона, и он всегда отвечал одно и то же. Пусть это и звучало банально — именно это и было его мечтой, его заветным желанием.

Именно поэтому он не отступал, даже если приходилось бросаться в «войну звёзд», где ракеты летят со всех сторон, имея в руках лишь обычную винтовку. Потому что в этом мире, если однажды свернёшь с трассы, тебя выбивают навсегда.

Чемпион мира. Для пилота, который постоянно болтается в середине или внизу таблицы, это мечта, о которой даже произносить вслух следует осторожно.

Даже если ему говорили, что он не понимает реальности, даже если над ним смеялись, говоря, что слушателю самому неловко это слышать, даже если насмешки следовали за ним в прессе и в лицо — он всегда мечтал об одном и том же.

И некоторые мечты похожи на проклятия.

— Хён... просто садись в карт. А вместо этого...

То, от чего он ушёл слишком далеко, чтобы вернуться, и в то же время — единственное, что у него осталось.

Его тёмный, опустевший взгляд долго задерживался на кружке пива.

К счастью, Ференц ничего не сказал. Он понимал, что в этот момент человека, способного понять упрямство Дэниела Линдберга, не нужно искать среди друзей или коллег — это мог сделать только другой пилот, живущий тем же риском и той же гордостью. Поэтому вместо неловкого утешения он задал вопрос.

— И что ты будешь делать?

— Я доведу это до конца.

— Легко сказать.

— Ещё бы.

Ответ был прост. Единственная проблема — он был таким же сложным, как попытка сдвинуть с места обелиск.

Почему? Прошло уже два дня, но холодный взгляд Алека Уокера не выходил из головы.

У него даже возникала нелепая мысль: если он снова увидит это выражение презрения в глазах, будто говорящих «я так и знал, это твой предел», то никогда больше не сможет давить на педаль изо всех сил.

Значит, я не могу отступить. Я должен сделать это.

Слова, которыми Дэниел будто заклинал себя, утонули в криках футбольных фанатов, радующихся штрафному, и растворились в воздухе.

□

Единственное, что было хорошего в том, что его отец — чемпион мира, — это, пожалуй, возможность ходить на гонки, держась за руку брата. Он всегда смотрел заезды не с трибун, как остальные, а из гостевой зоны для приглашённых, и до сих пор помнил, какой оттуда открывался прекрасный обзор.

Поначалу трасса казалась ему площадкой для игр. Но примерно тогда, когда гарнитура с непонятными голосами и аккуратно сложенные шины перестали быть интересными, она стала скучным местом.

К отцу постоянно подходило множество людей, а проводить время только с братом становилось утомительно.

Пока он безучастно смотрел на большой экран, к нему неожиданно обратились с добрым голосом:

— Как же тебе повезло, что у тебя такой замечательный отец, Дэниел. Каково это — смотреть гонку вместе с ним?

Оглядываясь назад, он понимал: человек, который в тот же момент крепко сжал ему плечо, — тот самый, что сказал ему, ещё ребёнку, будто он ничего не понимает, когда он пожаловался на скуку, — никак не мог быть «добрым».

Его приёмный отец был человеком неизменно амбициозным.

Холоднокровие, беспощадность, догматизм, обёрнутый в харизму, — всё это были звериные черты, которые прощались ему ради победы.

Он был ужасным человеком. Иначе как ещё можно было объяснить идею надеть на девятилетнего ребёнка шлем и заставлять его получать удары по голове?

Это был день, когда он простудился. Тогда он по-настоящему не хотел участвовать в соревновании, поэтому позвал брата и надел шлем на него. Это были соревнования по картингу для детей, и он решил, что один раз можно пропустить, просто поменяв комбинезоны. Они были близнецами, так что их никто не должен был разоблачить.

Его брат занял пятое место в том заезде, в который вышел вместо него. В тот момент мир Дэниела рухнул.

Приёмный отец не мог отличить двух своих сыновей друг от друга. Пока Джошуа тащили на послегоночную вечеринку вместо него, Дэниела в течение часа избивали — прямо в шлеме.

— Ты, кусок мусора, ты ведь плохо поддерживал брата, да? Я же говорил: если ты помешаешь его будущему, умрёшь вместе с ним. Ты что, решил, что это шутка?

Когда его спрашивали, с какого момента его били, брат молчал.

Приёмный отец поднимал руку только на младшего из приёмных детей. Причины для этого были разными — от того, что они опоздали на трассу из-за его медлительности, до придиорок к тому, что он мешал концентрации брата.

У Джошуа начинались судороги при одном виде шлема. Крики Дэниела «Не трогай его!» были,

как и подобает языку далёкой страны, неловкими и неуклюжими.

Жми на педаль, пока не станет страшно. Езди быстрее всех на трассе. Тогда всё решится само собой.

Ноэль Линдберг был строгим отцом. Под его руководством Дэниел узнал многое. Навыки вождения, переданные чемпионом мира, были среди самых незначительных вещей.

Он узнал, что если не победит — его брата будут избивать. Он узнал, что упрямый отказ садиться в карт приведёт лишь к ещё более жестокому наказанию. Он узнал, что шлем сужает поле зрения. Он узнал, по каким местам приёмный отец бьёт так, чтобы не оставалось следов. Он узнал, как наносить мазь на раны брата. Он узнал, как принимать его разочарование и ненависть.

— Хён... просто садись в карт. Но вместо этого ты должен победить любой ценой. Никогда не проигрывай.

Он узнал, что несчастье приходит к человеку слишком легко.

Это была жизнь, из которой он не мог вырваться. Его брат, научившийся беспомощности, стал заложником. Отец же, словно искусный шантажист, появлялся на трассе с братом на каждую гонку.

Чем глубже становилось отчаяние в глазах Джошуа, тем сильнее Дэниел стремился к победе.

Дни, когда он снова и снова толкал наверх камень, который всё равно однажды скатится вниз, повторялись постоянно. Он водил карт так, будто от этого зависела его жизнь, но побеждать всегда не мог. Поражение было неизбежно.

Чем выше становился класс, в который он переходил после клетчатого флага, тем труднее давалась победа. Трофей, который он с трудом прижимал к себе, приносил не радость, а облегчение. Он с убийственной яростью ненавидел пилота, который обгонял его и забирал победу. И ещё сильнее ненавидел себя — за то, что не смог выиграть.

— Не ослабляй хватку. Если уж собираешься умереть — умри на трассе.

Вскоре эта ненависть перекинулась и на брата.

Теперь это было лишь старым воспоминанием.

Тяжёлое прошлое представало в снах в виде размытых, тягучих и грязных образов.

— ...Чёрт.

Дэниел проснулся, выругавшись.

Утро было ужасным. Кончики пальцев и ног окоченели, но дыхание сбилось так, будто он пробежал спринт на пределе сил. Тело было тяжёлым, словно камень, утонувший в реке, а сердце бешено колотилось.

Мозг, впервые за долгое время столкнувшийся с алкоголем, отзывался головной болью, но остальное тело продолжало жить по привычке. Он проснулся на десять минут раньше обычного. Дэниел пролил воду, наклоня чайник. Сил вытереть её не было, и он оставил всё как есть.

С того момента, как он осознал факт насилия со стороны приёмного отца, Дэниел уговаривал Джошуа обратиться в полицию, но тот категорически отказывался. Он говорил, что этого человека даже нельзя назвать отцом, и предлагал вместе заявить на него, но брат лишь качал головой. Напротив, он ощетикивался, как загнанный ёж.

— Если мы заявим на него, что дальше? — бросил он. — Ты забыл? Нам некуда идти. Всё закончится, если нас лишат семьи! Ты же лучше всех знаешь, как сложно найти приёмную семью на двоих. Мы даже не сможем вернуться в Корею. Мы здесь даже языка толком не знаем!

— Ёнву-я...

— Джошуа! Не Чон Ёнву, а Джошуа Линдберг! Так что хватит нести ерунду и иди тренируйся! Я уже устал получать из-за тебя, хён!

Бросив поцарапанный шлем, брат заплакал, не сдерживаясь. Дэниел пытался его успокоить, но и сам всё понимал. Приёмный отец пользовался отчаянием детей, которые, оказавшись в чужой стране, никогда больше не встретятся, если их разлучат. Другого выхода не было. Им оставалось только терпеть.

— Я буду усердно учить английский, немецкий и корейский. Хён будет рядом с тобой до конца.

— Хватит. Я не буду заявлять на него. Нам всё равно никто не поверит...

— Поверят. Когда я стану чемпионом мира.

Их приёмный отец ещё со времён своей карьеры был окружён всевозможными слухами. Связи и влияние, которые он успел выстроить, сохранились даже после ухода из спорта. У него было более чем достаточно возможностей, чтобы выдать любой разоблачающий материал за пустую клевету.

И, главное, его статус в мире автоспорта был настолько прочным, что его не смог бы поколебать ни один серьёзный скандал. Он закончит жизнь как вечно любимый пилот.

Значит, нужно подняться достаточно высоко, чтобы ему поверили.

Нужно встать на самую вершину и полностью разрушить тот мир, где этот человек остаётся прославленным величайшим пилотом. Нужно отобрать все кормушки этого мужчины, который всё ещё слоняется у трассы, как голодный пёс. Нужно хотя бы это. Чтобы в мире автоспорта, который он любит больше всего, на него всегда показывали пальцем. Чтобы он больше никогда не смог приблизиться ни к тебе, ни ко мне.

Дэниел Линдберг пообещал.

— Я не могу просто так оставить то, что сделал этот ублюдок. Скоро мы станем взрослыми. Мы быстро окрепнем и сможем отомстить. Мы разоблачим всё, что он сделал.

— ...Ты можешь пообещать?

— Обещаю.

— ...

— Давай просто потерпим немного. До конца этой зимы.

Это была петля, которую он сам накинул себе на шею, но после этих слов Джошуа перестал плакать. Значит, он должен был сдержать обещание. Даже если теперь это было обещание, в которое уже не верил даже его брат.

Дэниел поставил стакан, покрытый каплями воды. Без малейших колебаний он надел кепку и направился в тренировочный центр.

Зима ещё не закончилась.

□

Каким бы мрачным ни было решение, оно не способно остановить время. Календарь Формулы-1 безжалостно вычеркнул март и встретил апрель. Второй Гран-при Италии был уже не за горами.

<http://bllate.org/book/17841/1706036>